
THE DERIVATIVE PREPOSITIONS OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE AS AN OBJECT OF THE LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION

© 2012

Yu. V. Khaperskaya, postgraduate student
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: the derivative prepositions of the modern Russian language; dictionaries of Russian language; codification of prepositions.

Annotation: The article discusses codification of derivative prepositions in dictionaries of Russian language.

УДК 340

ОБЫЧНОЕ ПРАВО КАК ИСТОЧНИК ПРАВА

© 2012

Р.Л. Хачатуров, доктор юридических наук, профессор, директор института права
«Тольяттинский государственный университет» Тольятти (Россия)

Ключевые слова: становление права; обычное право; закон; трансформация обычаев.

Аннотации: В работе раскрывается сущность и происхождение устного обычного права. Особое внимание автором обращается на трансформацию обычаев в обычное право по памятникам отечественного права.

Римские юристы объясняли сущность и происхождение устного обычного права и писаного законодательства одинаково. В республиканский период нормативность писаного закона признавалась соглашением народа, выраженным в голосовании. Нормативность обычного права признавалась тоже соглашением народа, но выраженным без голосования, молчаливо. Эти концепции происхождения обычного права без существенных изменений и отклонений сохранились вплоть до начала XIX в., когда историческая школа права пересмотрела этот вопрос. Один из основателей этой школы Пухта отмечал, что источником обычного права является народное правосознание, которое считалось проявлением народного духа, а в народном духе якобы мистически заложены идеи права. Представление о народном духе как о мистическом носителе идеи права вскоре было оспорено. В XIX в. были распространены две точки зрения по вопросу о происхождении обычного права. Одна из них называлась теорией стихийного образования обычая, вторая теорией первоначального индивидуального творчества. По первой теории, лежавшее в основе обычного права однообразное, массовое поведение людей складывается стихийно и инстинктивно. Представители другой точки зрения отмечали, что однообразное поведение складывается не стихийно, а путем первоначальной деятельности отдельных более сильных индивидов, которым затем подражала остальная масса.

Среди русских историков права имелись последователи обеих названных теорий. По мнению Ф.В. Тарановского, однообразное, массовое поведение является для

индивида нормативным фактором, превращающим соответствующий образ действия в обязательную норму права. Но таким значением обладает не всякое однообразное массовое поведение, а только такое, которое сопровождается сознанием его общественной необходимости. «Разного рода личные привычки, равно общественно-вредные действия, как бы они ни были распространены в общественной среде, не порождают обычного права, так как они не сопровождаются сознанием их общественной необходимости» [1. С. 179], - писал Ф.В. Тарановский.

Особенность обычного права состоит в том, говорил В.Ф. Залеский, что, «создавая его - народ создает не абстрактные нормы, а применяет известный порядок действий, ...народ применяет нормы обычного права бессознательно, практикуя известный порядок взаимоотношений и имея твердое сознание, что так поступать надо, что так делать хорошо, справедливо и т.д.» [2. С. 242].

По мнению М.Н. Кулажникова, автора, внесшего существенный вклад в разработку проблемы соотношения права, традиций и обычаев в системе социальных норм, обычаи - это «устойчивые правила поведения, возникшие на основе определенных фактических отношений как отражение повторяющихся форм связей людей конкретной социальной общности, в результате многократного совершения ими одних и тех же действий, осознания и оценки общественной значимости данных правил, соблюдаемых в силу привычки и под воздействием общественного мнения» [3. С. 48].

В нашей юридической и философской литературе предлагается много самых различных определений понятия обычая. Не вдаваясь здесь в анализ понятия обычая, отметим лишь, что мы присоединяемся к точке зрения тех авторов, которые выделяют их в качестве самостоятельного вида социальных норм.

Содержание и механизм регулирования общественных отношений при помощи обычаев определяют их отличие от иных видов социальных норм.

На заре человечества правила поведения, сложившиеся в результате многократно повторяющихся актов общественной жизни вначале бессознательно усваивались, а затем осознавались людьми как необходимые условия их жизни и передавались из поколения в поколение. «Принципы и нормы социальной жизни начинают воплощаться в социальные институты, в обычаи с самого момента появления человека» [4. С. 72].

Низкий уровень развития производительных сил древнего общества делал человека зависимым от природы и порождал у него фетишизацию стихийных природных сил, фантастические религиозные взгляды на природу и человека. Но религия существовала не всегда. В начальный период истории человечества религиозное мировоззрение отсутствовало и сознание людей на протяжении нескольких сотен тысячелетий оставалось безрелигиозным. Религиозные представления появились в обществе в тот период, когда в результате развития материального производства люди приобрели элементарную способность к отвлеченному мышлению.

Для уяснения процесса становления обычаев важное значение имеет выработанное наукой положение о том, что производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вылетело в материальную деятельность и в материальное общение людей.

Общество на всех этапах своего развития не может обходиться без социального механизма, функции которого состоят в регулировании общественных отношений, целенаправленности функционирования и развития общества в целом и его отдельных элементов, важнейшим из которых является личность [5. С. 13]. Вначале этот механизм был чрезвычайно прост. Действия отдельных людей и их общностей регулировались стихийными привычками, не сформулированными в правилах. Длительный период привычки усваивались человеком непосредственно из жизни путем простого подражания. Механизм социального регулирования усложнился, когда вместе с развитием производства, общественных связей и отношений человек из послушного раба привычек постепенно превращался в сознательного субъекта общественной деятельности и приобрел способность оценивать свои поступки. Труд создал и объединил людей, но поскольку совместная трудовая деятельность невозможна без определенной ее организованности, то в процессе труда формировались и развивались правила, регулирующие отношения людей к общности и друг к другу. Эти правила, отмечает Е.М. Пеньков, были отражением соответствующих экономических отношений общества, показателем уровня его развития и его потребностей [5. С. 13-16].

Примитивный характер производства материальных благ обуславливал простоту связей между людьми, между человеком и обществом и четкий механизм нормативного регулирования. Единственным регулятором общественных отношений был обычай, и его соблюдение обеспечивало внутри рода необходимый порядок. Характерная особенность обычаев состояла в том, что они создавались непосредственно обществом, соблюдались добровольно, выражали и защищали интересы всех членов рода. Первобытный строй не мог еще обрести государственных признаков, а обычай - юридических.

Возникнув, обычаи проходят длительный процесс развития. По мере прогресса человеческого общества усложняются общественные связи, отношения между индивидами, между человеком и обществом. Все это приводит к появлению новых обычаев, которые шире по объему и глубже по содержанию регулируют общественную жизнь.

В литературе широко распространен взгляд на то, что обычаи регулируют главным образом отношения, возникающие в быту. Но в доклассовом обществе обычаи являлись регуляторами отношений во всех областях жизни человека. Их регулирующее действие тесно связано с духовной жизнью людей. Более того, «нормы-обычаи входят в сферу общественной психологии и через нее непосредственно включаются в индивидуальное сознание» [6. С. 76].

Формирование обычая является длительным и сложным процессом. Обычаи складываются на основе многократного применения и повторения фактических отношений. Ввиду многократного применения, входящего в привычку, обычаи не всегда нуждаются во внешней силе их обеспечения [3. С. 47].

Исторический правовой обычай был первым источником права, регулировавшим общественные отношения в родившемся из первобытнообщинного строя государстве. Первые законодательные акты, принятые государством на ранней стадии его развития, представляли собой свод обычаев, действовавших еще в родовом строе. Первоначально и международное право формировалось на основе межплеменных обычаев, которым государства придали силу права. К числу таких обычаев относятся неприкосновенность представителей другой стороны, верность данному слову и ряд других аналогичных элементарных правил поведения, не обладающих ранее качествами права.

В основе обычного права лежат два источника: нормы морали, превратившиеся в обычаи, а также общеобязательные решения органов первобытного общества, превратившиеся в нормы поведения [7. С. 76]. Оспаривая точку зрения ученых, определяющих обычное право как санкционированную государством совокупность общеобязательных обычаев, Д.Ж. Валеев пишет: «Наряду с тем, что часть норм обычного права санкционируется государством и становится нормами действующего права, остаются нормы, которые не получают официальной санкции государства». Соблюдение норм обычного права обеспечивается традициями, религиозным сознанием, моралью, общественным мнением и национально-этническим фактором [7. С. 72], отмечает автор. Не трудно заметить, что Д.Ж. Валеев не проводит четких различий между обычаем и обычным правом.

Мысль о существовании «общинного права» четко выражена в работе известного теоретика права С.С. Алексеева. По мере разложения первобытнообщинного строя, пишет С.С. Алексеев, стали формироваться «специфические способы регулирования, которые явились промежуточными образованиями между нормами первобытнообщинного строя и правом. Одним из таких промежуточных образований явились «система табу», а затем общинное право (соответствующее во многих случаях особой стадии в процессе возникновения государства, - военной демократии)» [6. С. 18-19].

Если исходить из положения А.Ф. Анисимова о том, что системой табу регламентировались почти все стороны жизни первобытного человека, то трудно согласиться с авторами упомянутой книги. Вряд ли можно утверждать, что табу не создает ни обычая, ни морали, а лишь закрепляет обычаи. На наш взгляд, система табу является системой обычаев, но облечена она,

как подчеркивает А.Ф. Анисимов, в форму религиозного запрета [8. С. 160]. Страх перед непонятными силами и стихийная привычка, пишет Е.М. Пеньков, вот что обеспечивало безотказное действие обычаев и табу. «Табу по существу выступало единственным элементом механизма регулирования действия людей» [5. С. 14].

Правила поведения, сформированные и закрепленные в табу, осознавались первобытным человеком как непреложные правила, нарушение которых влечет за собой тягчайшие последствия [9. С. 89]. Большинство социальных норм доклассового строя рассматриваются одновременно как обычаи и как нормы морали, нравственности и как веления первобытной религии. Разделение на чисто нравственные или религиозные нормы и на обычные нормы здесь невозможно.

Думается, что с возникновением классов и государства часть обычаев была трансформирована в право. Обычное право, так же, как и государство, в своем развитии постепенно обнаруживает классовый характер — оно выражает волю господствующего класса. Возникшее в классовом обществе обычное право стало глубоко отличным от обычаев первобытного строя. Вместе с тем в обычном праве долгое время сохраняются пережитки первобытнообщинного строя. Так, например, государство придает силу закона многим обычаям, существовавшим в родовом обществе, — обычай кровной мести, талион и т.д.

Слово «обычай», писал А. Мартесон-Гнидкин, в самом неразрывном родстве со словом «общество», потому что и то и другое происходит от слова «оба» (общий, общий и т. п.), указывающего на двойственность или множественность и потому в применении к человечеству явление не особенное, а общественное [10. С. 103]. Слово «закон», как и слово «покон», означая одинаково обычаи, происходит от слова «кон», которое значит начало, а вместе с тем предел, границу и некоторое определенное место в известных границах. Предлог «за» выражает предел, предлог «по» имеет то же значение. Отсюда в словах «закон» или «покон» полагается граница человеческой деятельности или свободы: закон есть тот порядок, которому человек должен подчиниться в своих действиях.

То, что термины «закон», «обычай» и «покон» обозначают одно и то же, видно из слов летописца, рассказывающего об обычаях у разных племен: «Имяхо бо обычаи свои, и закон отец своих и преданья, каждо свой нрав». Термин «закон» употребляется летописцем и для обозначения так называемых божественных правил: «...творяху обычаи кривичи и прочий поганин, не ведуще закона Божия, но творяще сами себе закон».

Необходимо иметь в виду, что несмотря на тот факт, что обычаи разных народов, стоящих на одной и той же ступени развития, во многих случаях не только сходны, но и тождественны, тем не менее обычное право каждого народа в отдельности обладает своеобразными чертами и особенностями, сложившимися под влиянием экономической и социальной жизни.

Разделение социальных норм на обычные, нравственные и религиозные при исследовании обычая затруднительно. Например, кровная месть есть право каждого, вместе с тем и его обязанность. Кровная месть существовала у всех народов мира с самых древнейших времен. Многие норманисты считали, что обычай кровной мести был заимствован якобы восточными славянами опять-таки из норманского права. Так, например, М.П. Погодин, анализируя Русскую Правду, делал вывод: «Кровная месть - закон по преимуществу скандинавский» [11. С. 379].

В своем зарождении институт мести не имел никакого отношения к государству и праву. В его основе

лежали общественные отношения первобытного строя. Возникновение и развитие кровной мести в истории человечества характеризуется как социальное, а не биологическое явление. М.Ф. Владимирский-Буданов писал: «Всякое право развивается из первоначальных инстинктов и природы чувств. Мстительность свойственна и животным» [12. С. 308].

Кровная месть оставалась обычаем до тех пор, пока не потребовалось ее ограничить и отменить правом. Но это стало возможным не ранее, чем вещи приобретали характер имущества, что позволило использовать их в качестве эквивалента нанесенного вреда и меры искупления. Факты свидетельствуют о том, что оскорбление, ранение, лишение жизни человека, известные задолго до появления государства и права, оставались делом пострадавших, частной расправы в течение определенного времени и после того, как возникли государство и право.

С развитием государства постепенно обычай кровной мести стал изменяться государственной властью в том направлении, что стало возможным сперва ограничить круг мстителей, а затем откупаться от мести путем передачи родственникам убитого денежных сумм, причем возмещение зависело от того, кто убит - свободный или раб, бедный или богатый, должностное или частное лицо. Этим самым господствующий класс создавал себе, привилегии и защищал свою жизнь.

Примерами трансформации обычаев являются и многие нормы Русской Правды, относящиеся к процессуальному праву. Государство использовало такие виды доказательств, как присяга, ордали, показания свидетелей, известные первобытнообщинному строю. Но сохранив обычные формы судебного доказательств, государство устанавливает в их применении ряд изменений, выгодных господствующему классу. Так, например, ст. 85 Пространной Правды гласит: «Все эти тяжбы решаются показаниями свидетелей из числа свободных (людей); если случится свидетелем быть холопу, то на суде ему не выступать».

Примерами трансформации обычаев в правовой обычай служат и некоторые статьи Русской Правды, относящиеся к наследственному праву. Так, по ст. 90 «если умрет смерд, то его наследство (идет) князю; если у него в дому будут дочери, то им (следует) дать выдел; если они будут замужем, то выдела им не давать» [13. С. 132]. Исключение из числа наследников женщин является пережитком родового строя. В доклассовом обществе, когда существовала экзогамия, женщины обычно выходили замуж за членов другого рода. Тогда община не допускала, чтобы имущество выходило из ее пределов, т.е. не наследовалось женщинами.

Итак, трансформация обычаев в обычное право у восточных славян имела определенный классовый характер. Обычное право в древнерусском обществе было отличным от обычаев первобытного строя и предназначалось для регулирования общественных отношений в обществе, состоящем из социальных групп и классов.

Статья подготовлена в рамках соглашения 14.V37.21.0489 выполняемого по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. - Юрьев, 1917.
2. Залеский В.Ф. Власть и право. — Казань, 1897.
3. Кулажников М.Н. Право, традиции и обычаи. - Ростов, 1972.
4. Льюис Д. Человек и эволюция. — М., 1964.
5. Пеньков Е.М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. — М., 1972.

6. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций в двух томах. - Свердловск, 1972. Т. I.
7. Валеев Д.Ж. Обычное право и начальные этапы его генезиса. // Правоведение. - 1974. № 6.
8. Анисимов А.Ф. Духовная жизнь первобытного общества - М. - Л., 1966.
9. Зыбковец В.Ф. Происхождение нравственности. - М., 1974.
10. Мартезон – Гнидкин А. Государственное опровержение лжеучений об обычном праве и правовом отношении. - М., 1906.
11. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. - М., 1846.
12. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. - Киев, 1905.
13. Памятники русского права. Т. I. - М., 1952.

COMMON LAW AS A SOURCE OF LAW

© 2012

R.L. Khachaturov, doctor of law science, professor, director of the Institute of Law
Togliatti State University, Togliatti(Russia)

Keywords: right formation; common law; law; transformation of customs.

Annotation: In work the essence and an origin of an oral common law reveals. The special attention the author addresses on transformation of customs in a common law on monuments of the domestic right.

УДК 330

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ КОНКУРЕНТНЫМИ ПОЗИЦИЯМИ БАНКА И ЕГО ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

© 2012

Е.М. Широнина, старший преподаватель,
кафедра «Экономики и управления на предприятии»

Ю.А. Тиунова, студент

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь (Россия)

Ключевые слова: инновация, банковская инновация, стратегические инновации, реактивные инновации.

Аннотация: Наступит время, когда российским банкам будет сложно привлечь клиентов и тем самым удержать конкурентные позиции, просто расширяя географию и предлагая модернизированные банковские продукты. Будущее банка зависит от развития его инновационной деятельности, результатом которой являются новые, специфические продукты и услуги.

Переход России к рыночной экономике послужил развитию конкурентных отношений во всех отраслях страны, в том числе и в банковской сфере. По состоянию на 1 октября 2012 г. в России действуют 962 кредитные организации, из них — 294 (30,7%) можно отнести к средним и мелким банкам [1]. В связи с таким значительным числом конкурентов, банкам приходится постоянно развивать и совершенствовать свою деятельность различными способами и методами. На сегодняшний день одним из эффективных способов получения конкурентного преимущества перед другими банками является

внедрение новых продуктов и технологий (процессов). Данное внедрение выступает важнейшим средством обеспечения стабильности функционирования, экономического роста и конкурентоспособности банков. Новые продукты и технологии, реализуемые на рынке, представляют собой инновацию.

Термин «банковская инновация» толкуется неоднозначно. Существует множество его трактовок, и понятие по-прежнему остается дискуссионным. В более конкретном толковании все определения сводятся к тому, что банковская инновация - это конечный результат